

Михаил Петрович Старицкий

Вареники

Оригинал здесь: [Книжная полка Лукьяна Поворотова](#).

Был конец февраля. Село Качки, занесенное снегом, оттаивало понемногу под дыханием мягкого южного ветра. С соломенных крыш, одетых в остеклившуюся белую броню, сбегала по сосулькам вода. По небу неслись светло-желтоватые клочья, в сыром воздухе уже пахло весной.

За селом, возле водяной мельницы, стояло несколько подвод. Из мельницы доносился крупный разговор с перебранками. Двое односельчан, один в сивой шапке, а другой в картузе, сидели равнодушно на завалинке и, смакуя коротенькие трубочки, молча следили, как из проруба вырывалась с шумом пенистая вода и медленно вращала колесо, дробясь на противоположном конце его в целый дождь радужных сверкающих капель.

У самой двери, облокотясь о косяк, стояла, подперши рукой голову, не молодая уже, но сохранившая остатки прежней красоты женщина. Нужда и горе положили на лице ее печать какой-то пришибленной и тупой покорности.

Появился хозяин мельницы, Шлема, в длинном сюртуке, припудренный сильно мукой, и, почесав азартно бороду, крикнул по направлению к подводам:

- Пане сотский, несите ваши мешки!

- А когда же дождусь я? - робко запротестовала женщина. - Ведь и то, почитай, с утра стою, а у меня в хате деток четверо, сирот; некому-то и присмотреть за ними.

- Что же ты, баба, хочешь, чтобы я ради тебя пропустил старшину или сотского?

- Да у меня ж только полмешочка пшеницы да гречки полмерочки, духом бы смололи.

- Духом? - прижмурил правый глаз жид. - Какая ты разумная! А после твоей гречки чисть камень? Сказано - баба! Не понимает, что такое гречка, а что начальство!!

Сотский в это время взвалил на плечи два огромных мешка, и, влезая в двери, оттолкнул бедную женщину.

Она отошла на дорогу и остановилась среди лужи, погрузив в воду свои босые, потрескавшиеся красные ноги.

Стоит Софрониха в воде и не чувствует ее резкого, жгучего холода, а в голове у нее мелькает, как детки просили маму поскорее вернуться, как она обещала им к обеду сварить гречаные вареники. А вот и обед прошел, и полудник, а они, голодные, сидят в нетопленной хате да ждут... Хотя бы им, борони боже, не приключилось какой беды!

- Намерзнется Софрониха, - заметила сивая шапка с завалинки, - особенно если простоит до вечера.

- Одубеет, - лаконически ответил картуз.

- Звисно - вдова, - философски закончила шапка, сплюнувши в сторону и передвинувши люльку во рту.

В это время из переулка раздалось шлепанье конских копыт и на саночках выехал прямо на вдову сам старшина. Она посторонилась, но старшина все-таки счел долгом выругаться.

- Ишь, стоит на дороге, - не видишь разве начальства?

- Выбачайте, - извинялась, низко кланяясь, вдова.

- Чего стоишь? Зачем пришла? - допытывался старшина, поворачивая к мельнице лошадь.

- Да принесла на помол полмешочка пшеницы да полмерочки гречки, - докладывала Софрониха, шагая за санками старшины.

- Гречки? - изумился последний, вытаращивая на нее глаза. - Да где бы ты могла раздобыть гречки? В прошлом году она вся на пне погорела.

- У меня, пане голова, еще позаторишняя осталась, - улыбнулась самодовольно вдова, - славная гречка, сухая, зерно в зерно, деткам берегла на масляницу, вареничками гречаными побаловать.

- Скажите на милость, какие нежности! - осклабился старшина. - Да у меня самого, на что уж начальство, а и то таких вареников не будет: негде гречаного борошна достать, хоть село запали!

Он встал, почесал с досадой за ухом и начал привязывать к плетню лошадь. Мужики, завидя его, с завалинки поднялись и пошли в мельницу.

- Так, так! - продолжал ворчать старшина. - А гречаные вареники - это